

Концепт *Ант* в пространстве карачаево-балкарской этнолингвокультуры

Ариука И. Геляева

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Российская Федерация,

Джамият Дж. Хучинаева, Джульетта Б. Кумахова

Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В. М. Кокова, Российская Федерация

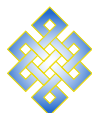
В статье представлен междисциплинарный анализ концепта «Ант» в карачаево-балкарской этнолингвокультуре. Методологическую основу исследования составил структурированный подход к реконструкции и описанию культурного концепта, открывающий широкие перспективы его рассмотрения в аспекте формы, идеи, регулятива и предполагающий интеграцию возможностей разных областей знаний и семиотических систем. Материалом исследования стал репрезентативный корпус вербальных и невербальных текстов карачаево-балкарской этнолингвокультуры.

Методом аппликации словарных статей лексемы ант в разных тюркских языках выявлено, что репрезентант концепта «Ант» слово «ант» в значении «клятва, клятвенное обещание, зарок, обет, присяга» встречается в абсолютном большинстве тюркских языков как в виде существительного, так и аналитических глагольных форм. Отмечается важность этимологизации лексемы «ант», приводятся версии ее происхождения.

Особое внимание уделяется специфике лексемы «ант» как перформативного высказывания, репрезентирующего единство слова и речевого действия, совершаемого в момент произнесения клятвы. Приводятся примеры из мифологических текстов, эпоса, сказок, песен, паремий, обрядов, фрагменты клятв членов третейского суда, повседневной речи, которые свидетельствуют о бытовании в карачаево-балкарской этнолингвокультуре разных типов клятв, сочетающих клятвенную формулу с разными семиотическими средствами.

Выявлено, что концепт «Ант» объективирован в пространстве карачаево-балкарской этнолингвокультуры как динамическая система, о чём свидетельствуют различные концептуальные его составляющие, относящиеся к разным хронологическим этапам и отражающие характерные для них социально-культурные реалии.

Ключевые слова: концепт культуры; ант; карачаево-балкарский язык; карачаево-балкарская культура; присяга

Для цитирования:

Геляева А. И., Хучинаева Дж. Дж., Кумахова Дж. Б. Концепт *Ант* в пространстве карачаево-балкарской этнолингвокультуры // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 380-399. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.22>

Геляева Ариука Ибрагимовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова. Адрес: 360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173. Эл. адрес: gariuka@mail.ru

Хучинаева Джамият Джамаловна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики профессионального обучения и иностранных языков Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова. Адрес: 360000, Россия, г. Нальчик, пр-т Ленина, д. 1В. Эл. адрес: gjjamilia@mail.ru

Кумахова Джульетта Борисовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики профессионального обучения и иностранных языков Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова. Адрес: 360000, Россия, г. Нальчик, пр-т Ленина, д. 1В. Эл. адрес: cumakova.j@yandex.ru

The Concept of *Ant* in the Karachay-Balkar Ethnolinguoculture

Ariuka I. Gelyaeva

Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russian Federation,

Jamilyat J. Khuchinaeva, Julietta B. Kumakhova

Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokov, Russian Federation

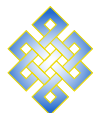
The article presents an interdisciplinary analysis of the concept of “Ant” in the Karachay-Balkar ethnolinguoculture. The methodological framework is based on a structured approach to the reconstruction and description of a cultural concept, which opens broad prospects for its examination in terms of form, idea, and regulatory function, and presupposes the integration of methods from various fields of knowledge and semiotic systems. The study draws on a representative corpus of verbal and non-verbal texts of the Karachay-Balkar ethnolinguoculture.

Through the application of dictionary entries for the lexeme ant across different Turkic languages, it has been established that the representative of the concept, the word ant meaning “oath,” “sworn promise,” “vow,” or “pledge,” occurs in the vast majority of Turkic languages both as a noun and within analytical verbal constructions. The importance of the etymologization of the lexeme ant is emphasized, and several hypotheses regarding its origin are discussed.

Attention is paid to the specificity of the lexeme “ant” as a performative utterance representing the unity of word and speech act performed at the moment of oath-taking. Examples are drawn from mythological texts, epic narratives, fairy tales, songs, paremias, rituals, as well as fragments of oaths of arbitration court members and everyday speech. These examples demonstrate the existence in the Karachay-Balkar ethnolinguoculture of various types of oaths that combine oath formulas with diverse semiotic means.

It is established that the concept of ant is objectified within the Karachay-Balkar ethnolinguocultural space as a dynamic system, as evidenced by its various conceptual components associated with different chronological stages and reflecting the socio-cultural realities characteristic of each period.

Keywords: cultural concept; Ant; Karachay-Balkar language; Karachay-Balkar culture; oath

For citation:

Gelyaeva A. I., Khuchinaeva J. J. and Kumakhova J. B. The Concept of *Ant* in the Karachay-Balkar Ethnolinguoculture. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 380-399. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.22>

GELYAEVA, Ariuka Ibragimovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics, Social and Humanitarian Institute, Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov. Postal address: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia. E-mail: gariuka@mail.ru

KHUCHINAEVA, Jamilyat Jamalovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy of Vocational Training and Foreign Languages, Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokov. Postal address: 1B Lenina ave., 360000, Nalchik, Russia. E-mail: gjjamilia@mail.ru

KUMAKHOVA, Julietta Borisovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy of Vocational Training and Foreign Languages, Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokov. Postal address: 1B Lenina ave., 360000, Nalchik, Russia. E-mail: cumaxova.j@yandex.ru

Введение

Ант в карачаево-балкарской этнолингвокультуре относится к числу концептов, в которых реализуется одна из древнейших функций языка — магическая. Концепт *Ант* означает «торжественное уверение в чём-либо, обещание чего-либо»¹. Основным номинантом данного концепта является лексема *ант* 'клятва, обет, зарок, присяга'²; *къаргъаныу сёз, бир затны этер ючюн берилген сёз* 'клятва, клятвенное обещание, зарок'³.

Хотя в таком архаическом концепте объективируются истоки идей и ценностей многих культур, он до последних десятилетий не был объектом интенсивных исследований. Во второй половине XX в. исследованием клятв занимались в основном фольклористы, рассматривая их как малые жанры фольклора⁴. Заметный интерес к анализу клятвы отмечается в 1960–1970-е гг. в связи с появлением теории речевых актов, в рамках которой клятва квалифицируется как перформативное⁵ высказывание. Несмотря на пристальное внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей к проблеме перформатива (см.: Апресян, 1986; Бахтин, 1996; Остин, 1986; Серль, 1986), перформативные высказывания, в том числе и клятвы, на материале отдельных лингвокультур, так и карачаево-балкарской, до сих пор остаются малоизученными.

В первые десятилетия XXI в. исследования клятвы как речевого акта и жанра в лингвистическом, прагматическом и лингвокультурологическом аспектах значительно активизировались. Так, анализу клятвы с точки зрения её функционирования в русской языковой картине мира посвящена работа Н. Ш. Галлямовой, в которой автор описывает прагматические правила реализации речевого акта «обещание, клятва», представленного несколькими макрополями, вербализация которых требует «употребление целой системы языковых и речевых средств, объединённых функционально и семантически» (Галлямова, 2010: 26). А. В. Карабыков рассматривает генезис жанра клятвы в истории культуры и отмечает, что «сохраняя уровень доверия, институт клятвы способствовал обеспечению целостности общества» (Карабыков, 2006: 230). И. И. Чесноков высказывает предположение, что «переориентированные речевые формулы проклятия и явились первичными формами объективации речевого акта «клятва»..., перформативный глагол «клянусь» является образованием позднего периода в развитии форм объективации клятвы» (Чесноков, 2013: 6). Речежанровым характеристикам детской клятвы в советскую эпоху посвящена статья А. В. Сидоренко, в которой выявляются отличительные признаки детской клятвы (Сидоренко, 2016: 74–76). Структурно-семантический и функционально-прагматический анализ жанра «клятва» проводится на материале разных лингвокультур⁶. Сопоставительное изучение клятвы осуществляется также в рамках исследования речевых жанров (см.: Дампилова, 2022; и др.⁷). Среди исследований клятвы как речевого жанра выделяются работы, посвящённые анализу функционирования клятвы в различных типах текстов. Как особый тип рассматривается, например, текст брачной клятвы, который представляет собой «торжественное ритуальное обещание во время венчания или свадебной церемонии, в котором жених и невеста клянутся в верности и преданности друг другу» (Ланских, 2022: 94). Большинство исследований клятвы детерминированы общеизвестной теорией речевых актов. Более того, многие научные статьи, посвящённые клятве и выполненные на материале разных областей знания, в основном осуществлены в рамках данной теории (см.: Кормина, 2004; Мелик-Гайказян, Мещерякова, 2015). Что касается изучения клятвы как культурного концепта, то подобные работы еди-

¹ Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1983. Т. 2. К–О. С. 62.

² Къарачай-малкъар-орус сёзлюк [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. С. 66.

³ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч том-лукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 1. С. 159.

⁴ Хаджиева Т. М. Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыклары [Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев] // Къарачай-малкъар фольклор [Карачаево-балкарский фольклор]: хрестоматия / ред. А. Т. Додуева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 6–37.

⁵ Под перформативным понимается высказывание, равноценное действию.

⁶ Сиразиева З. Н. Клятва как речевой жанр в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань 2012.

⁷ Балданмаксарова Е. Е. Жанр клятвы в средневековой монгольской литературе XIII века // Новые российские гуманитарные исследования. 2019. № 14. С. 122.

ничны не только на материале отдельных лингвокультур, но и в области тюркологии в целом (Шенцова, 2021; Balabekova, Kurmanali, Otarbekova, 2024). На материале карачаево-балкарского языка опубликована единственная статья, которая посвящена выявлению особенностей клятв и заклинаний как речевых актов, используемых в повседневной речи (Геляева, Хучинаева, 2015).

Между тем *Ант* — это этнолингвокультурный концепт, который объективируется в разных текстах карачаево-балкарской культуры. Отсутствие специальных исследований клятвы как культурного концепта представляет значительный пробел в изучении карачаево-балкарской лингвокультуры.

Цель исследования состоит в комплексном междисциплинарном анализе концепта *Ант* во всём пространстве карачаево-балкарской этнолингвокультуры. Объектом анализа является *Ант* как концепт карачаево-балкарской этнолингвокультуры. Предметом изучения выступают репрезентанты концепта *Ант* с точки зрения их формальной, понятийной и функциональной специфики в тезаурусе культуры.

Обозначенная цель обуславливает решение следующих задач: на основе анализа исторической и социально-культурной информации, представленной в текстах карачаево-балкарской культуры, а также материала этимологических словарей и мнений тюркологов о происхождении лексемы *ант*, предложить свои аргументы в пользу монгольского происхождения данной лексемы; описать *Ант* как концепт-словоформу посредством выявления имени концепта, а также разноструктурных его репрезентантов в карачаево-балкарском языке; установить понятийное содержание основной идеи концепта *Ант*, а также его концептуальные признаки, объективированные в разных типах клятв; определить особенности формально-семантической и функциональной объективации *Ант* как концепта-регулятива в различных культурных текстах на разных этапах развития этноса; с позиций ареальной лингвистики выявить схождения и расхождения репрезентантов концепта *Ант* карачаево-балкарского языка с номинантами данного концепта в других тюркских языках, относящихся к различным географическим ареалам.

Методологическую основу исследования составил структурированный подход к реконструкции, описанию и интерпретации культурного концепта, разработанный Ч. К. Ламажаа и предполагающий широкие перспективы его рассмотрения в аспекте формы, идеи, социальной регуляции (Ламажаа, 2023), а также определяющий интеграцию возможностей разных областей знаний и семиотических систем. Эта схема, обусловленная отечественными лингвокультурологическими и когнитивными исследованиями, в рамках которых концепт рассматривается как ключевая единица картины мира этнического сообщества, в которой отражены ценности культуры; как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Степанов, 2007: 63); «... как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (там же); как «культурный ген, входящий в генотип культуры» (Ляпин, 1997: 17); как многослойное образование, имеющее полевую структуру (Попова, Стернин, 2001); как «микромодель культуры» с понятийным, образным и ценностным составляющими (Карасик, 2004: 115), на наш взгляд, представляет собой перспективный исследовательский алгоритм. Кроме того, применение таких методов, как сравнительно-сопоставительный, концептуальный и компонентный анализы, аппликация словарных статей разных тюркских языков, интервьюирование, способствует рассмотрению концепта *Ант* во всём пространстве карачаево-балкарской этнолингвокультуры и определению его репрезентантов в любой знаковой форме и культурно-историческом контексте. Выявлению динамики концепта в контексте его функционирования в карачаево-балкарской этнолингвокультуре способствует также обращение к опыту, знаниям и филологической интуиции авторов статьи, являющихся этническими балкарцами.

Эмпирическим материалом исследования послужил весь репрезентативный корпус вербальных и невербальных текстов карачаево-балкарской этнолингвокультуры (толковые¹, двуязычные² сло-

¹ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах]. / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 1996–2005.

² Къарачай-малкъар-орус сёзлюк [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989; Русско-карачаево-балкарский словарь / под ред. Х. И. Суюнчева и И. Х. Урусбиева. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1965.

вари, фольклорные тексты¹, мифы², эпос «Нарты»³, тексты средств массовой информации⁴, обряды, записанные исследователями (Pröhle, 1909; и др.), а также записи авторов статьи со слов информантов-этнических балкарцев⁵.

Фактический материал других тюркских языков и этимологических словарей привлекался с целью этимологизации лексемы *ант* и выявления сходств и различий объективации концепта *Ант* в карачаево-балкарском языке в сравнении с другими тюркскими языками.

Этимология лексемы «ант»

Проблема этимологизации лексемы *ант* является дискуссионной для тюркологии в целом, поэтому представляется значимым обращение к существующим в тюркологии различным воззрениям о её происхождении.

С культурно-исторической точки зрения этимологизирование лексемы *ант* способствует определению динамики смыслового ядра концепта *Ант*, поскольку в этимоне происходит первичная концептуализация идеи концепта и экспликация пралогических знаний, норм и ценностей этнокультуры. Установление этимона как транслятора основных идей и ценностей культуры играет ключевую роль в выявлении исторической памяти, объективированной в репрезентантах концепта *Ант*.

Авторы этимологических словарей тюркских языков, приводя различные доводы об этимологии лексемы *ант*, склоняются к ее монгольскому происхождению. Например, Исмет Зеки Эюбоглу возводит лексему *ант* к монгольскому *anda* 'побратим, побратимство', включающему в себя значение *and içmek* 'клясться'⁶. Как отмечает автор, по клятвенному обряду монголов двое из разных родов в одну посуду капают по капле крови, перемешивают и пьют кровь друг друга, становясь таким образом братьями по крови⁷.

Со ссылкой на разные источники Э. В. Севортян проводит различные сопоставления тюркского *ант/анд* с персидским *анд* 'двусмысленный, сомнительный', с домонгольским *анда* 'побратим' и средне-монгольским *анда* 'клятва'⁸.

И. В. Шенцова утверждает, что лексема *ант* арабского происхождения (Шенцова, 2021: 159). Возможность подобной этимологизации, казалось, не вызывает сомнения, если исходить из ареала распространения лексемы *ант* в языках тюркских народов юго-западного ареала. В восточных тюркских языках номинантами данного концепта выступают слова: *черт* в алтайском⁹, *сирт* в хакасском¹⁰, *шарт* в шорском¹¹, *дангыраг/дангырак*¹² и *тангырак*¹³ в тувинском языках. Если при-

¹ Карачай-малкъар фольклор [Карачаево-балкарский фольклор]: хрестоматия / ред. А. Т. Додуева. Нальчик: Эль-Фа, 1996.

² Карачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост., предисл. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эль-брус, 2007.

³ Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994.

⁴ Газета «Заман» (на балкарском языке).

⁵ Личный архив А. И. Геляевой. Записи со слов информантов были произведены автором в селениях Верхняя Балкария, Верхняя Жемтала Кабардино-Балкарской Республики в 1983–2015 гг. Информанты дали согласие на публикацию своих персональных данных.

⁶ Ismet Zeki Eyuboğlu. Türk dilinin etimoloji sözlüğü. Üçüncü Basım. İstanbul: Sosyal Yayınlar, 1995. S. 31.

⁷ Там же.

⁸ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и междутюркские основы на гласные М.: Наука, 1974. С. 151.

⁹ Русско-алтайский словарь: около 33 000 слов / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Сов. энциклопедия, 1964. С. 246.

¹⁰ Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 472.

¹¹ Шорско-русский и русско-шорский словарь / Н. Н. Курпешко-Таннагашева, Ф. Я. Апонькин. Кемерово: Кемеровское кн.-изд-во, 1993. С. 23.

¹² Тувинско-русский словарь: около 22.000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1968. С. 147.

¹³ Русско-тувинский словарь / под ред. А. А. Пальмбаха. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. С. 218.

знать монгольское происхождение лексемы *ант*, то возникает закономерный вопрос: как лексема *ант*, минув языки народов, относящихся к одному географическому ареалу с Монголией, проникла в языки тюркских народов западных и южных регионов? На наш взгляд, ответом на этот вопрос в определённой степени может послужить то, что в казахском¹ и киргизском² языках, на лингвистической карте занимающих линию соприкосновения с восточными тюркскими языками, встречаются как лексема *ант*, так и *черт/сирт/шарт*, которые используются как синонимы. Казалось, этот факт даёт основание полагать, что влияние шло как с востока, так и с юго-запада, то есть, в восточных тюркских языках (алтайском, хакасском, шорском) в качестве номинанта концепта *Ант* используется древнетюркская лексема *şert* в разных фонематических вариантах в значении «клятва», а не «условие», как в «Древнетюркском словаре»³, а в юго-западных тюркских языках, в том числе и карачаево-балкарском, — заимствованная из арабского языка лексема *ант*, как отмечает И. В. Шенцова (Шенцова, 2021: 159).

Однако нам представляется сомнительной вероятность арабского происхождения лексемы *ант*. Известно, что основным фактором проникновения арабизмов в тюркские языки явилось распространение ислама. Если некоторые тюркские народы, например, башкирский и татарский, приняли ислам ещё X–XI вв., то в Карачае и Балкарии вплоть до начала XX в. древние языческие верования занимали значительное место (Джуртурбаев, 1991). Вхождение лексемы *ант* в карачаево-балкарский язык из арабского через посредство других языков также опровергается такими фактами карачаево-балкарской этнолингвокультуры, как широкое использование лексемы *ант* в мифологических текстах, а также в эпосе «Нарты», становление которого, по мнению В. И. Абаева (Абаев, 1957), относится предположительно к эпохе раннего железа, то есть, к VII в. до н. э. — V в. н. э., а значит — гораздо более раннему периоду возможного её заимствования из арабского языка.

Для определения этимона лексемы *ант* значительный интерес представляет реконструкция проведения клятвенного обряда, которая, на наш взгляд, способна пролить свет на этимологизацию лексемы *ант* как номинанта концепта *Ант* в тюркских языках. В этой связи особого внимания заслуживает форма репрезентации данного концепта в тувинском языке, — лексема *таңгырак*⁴, а также вариант *дангырак*⁵ с начальным звонким согласным, не имеющие фонематической близости с репрезентантами концепта *Ант* в других тюркских языках.

Автор «Этимологического словаря тувинского языка»⁶ Б. И. Татаринцев, приводя варианты с финальными звонким и глухим согласными *дангыраг* и *дангырак* со значением 'клятва; присяга', отмечает, что приведённые варианты лексем связаны с передачей особенности произношения монгольского языка. Сравнивая данные лексемы тувинского языка с сарыг-югурским *тангырак* 'обряд побратимства; названный брат', автор делает вывод, что существительные тувинского и сарыг-югурского языков — монголизмы, и для подтверждения своего мнения приводит примеры из монгольского и калмыцкого языков: *tangariy/тангырак* 'клятва, обет; обещание; присяга'; *танһрг* 'обет, торжественное обещание; клятва'⁷.

В рамках обсуждаемой проблемы интерес представляют приведённые в «Тувинско-русском словаре» две близкие по фонемному составу лексемы: *донгурак* 'складной нож' и *дангырак* 'клятва'⁸. Любопытна также пословица, приведённая в этом словаре: *Донгурактан дангырак чидик, тоолай-дан таалай чузурук* 'Клятва острее ножа, слово быстрее зайца'⁹.

¹ Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі [Толковый словарь казахского языка] / ред. К. Кенесбаев. Алматы: Қазақ ССР Ғылым Академиясының баспасы, 1961. Т. 2. С. 485.

² Киргизско-русский словарь [Кыргызча-орусча сөздүк] / сост. К. К. Юдахин. М.: Советская энциклопедия, 1965. С. 906.

³ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. С. 520.

⁴ Русско-тувинский словарь / под ред. А. А. Пальмбаха. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1953. С. 218.

⁵ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 147.

⁶ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 2. С. 87–88.

⁷ Там же.

⁸ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 147.

⁹ Там же.

Фонематическая близость названных лексем представляется неслучайной. Мы полагаем, что название ножа *донгурак*, выступающего орудием совершения клятвенного обряда, стало номинацией обряда и клятвы в монгольском и тувинском языках.

Небезынтересен в контексте наших рассуждений бытовавший в древности обычай судопроизводства, отражённый в данной пословице тувинского языка, которая приводится также в сборнике пословиц в несколько ином переводе: *Донгурактан дангырак чидик. Тоолайдан таалай чузурук* 'Клятва ножа острее. Зайца молва быстрее'¹. Е. Е. Иванов в статье, посвящённой анализу абсурдных и парадоксальных пословиц в тувинском языке, со ссылкой на работу Г. Н. Курбатского, обобщает объективированный в пословице обряд, в соответствии с которым «подозреваемый должен был принести клятву-присягу в своей невиновности, после чего его подвергали жестоким пыткам-испытаниям» (Иванов, 2022: 1378). Автор отмечает, что самым страшным испытанием считалась клятва на ноже, при которой обвиняемый, держа во рту нож, клялся: «Если я лгу, пусть этот нож войдёт в меня и перережет все внутренности ...» (Курбатский, 2001: 235).

В этой связи заслуживает внимания то, что у многих народов оружие часто использовалось в качестве инструмента, сопровождающего совершение клятвы, что даёт большую вероятность метонимического переноса² названия оружия на номинацию клятвенного обряда и клятвы. Г. Н. Потанин также отмечает, что во время клятвенного обряда урянхайцы (тувинцы) лижут лезвие ножа, а «обряд заключения братства называется тангуракъ (нож, лезвие)» (Потанин, 2005: 39).

Приведённые выше примеры, а также мнение авторов лексикографических источников, дают нам основание утверждать, что имя концепта *Дангырак* в тувинском языке, восходящее к монгольскому слову *тангырак*, этимологически связано с названием орудия совершения клятвенного обряда — ножа, тогда как название данного концепта в карачаево-балкарском языке происходит от другого средне-монгольского слова *анда* 'клятва'³, в котором актуализируется клятва как слово, даваемое друг другу во время обряда. По всей видимости, поэтому в карачаево-балкарском языке как синонимы используются выражения *ант эт* и *ант сёз бер* 'клясться, божиться, давать зарок, зарекаться'⁴.

В рамках рассматриваемой проблемы достойно внимания также мнение О. А. Мудрака, который в работе, посвященной анализу раннесредневековой поэзии, записанной Махмудом Кашгарским, отмечает, что в «Диван Лугъат ат-Турк» «удалось обнаружить довольно большое количество монгольских заимствований в караханидском языке, характерном как для Махмуда Кашгарского (МК), так и для Юсуфа Баласагунского (QB — «Кутадгу Билиг»)» (Мудрак, 2012: 34). Это, как считает автор, является свидетельством тесных контактов между монголами и тюрками до монгольских завоеваний. В числе примеров, приведённых автором из «Диван Лугъат ат-Турк», есть и такое четверостишие:

*bičyās bitig qilurlar
andgej jeme berürler
xandın basut tilerler
basmil cömel tergeši*

'Малые (люди) ставят подписи.
Присягу еще дают.
От начальства ищут покровительства.
Подчиненные все строятся в ряды'⁵.

Используемое в данном четверостишии слово *andgej*, по мнению О. А. Мудрака, монгольского происхождения: «монголизм *andgej* < *andaGaj* 'клятва, клятвенное обещание; присяга' — этимологи-

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тув. кн. изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 26.

² Под метонимическим переносом понимается перенос наименования на основе соположенности, сопредельности предметов и явлений, вовлечённых в одну ситуацию.

³ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. С. 151.

⁴ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 1. С. 159.

⁵ Divanü Lugat-it-Türk Tercümesi / Çeviren Besim Atalay. 3. Baskı. Cilt I. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları: 521, 1992. S. 459.

⁶ Перевод О. А. Мудрака.

ческое соответствие тюрк. *ant* 'побратим'» (Мудрак, 2012: 41). Близкая фонематическая форма лексемы *андаҥар* 'клятва' встречается в современном якутском языке¹.

Мы поддерживаем мнение Э. В. Севортяна о происхождении лексемы *ант* как основного номинанта концепта *Ант* от средне-монгольского слова *анда* 'клятва'². Весьма интересными с точки зрения семантического развития этимона представляются приводимые в этом словаре сопоставления тюркского *ант/анд* с домонгольским *анда* 'побратим' и средне-монгольским *анда* 'клятва'³. Полагаем, что идея побратимства, репрезентированная в домонгольском слове *анда*, получила два вектора развития: в монгольском и тувинском языках в этимоне отражено название орудия совершения клятвенного обряда *донгурак* 'складной нож'⁴, в карачаево-балкарском — слово-клятва *ант*, произносимое во время обряда, как и в средне-монгольском *анда* 'клятва'.

Основанием неарабского происхождения лексемы *ант*, на наш взгляд, могут служить и следующие факты: а) в «Древнетюркском словаре», отражающем лексику тюркоязычных памятников VII–XIII вв.⁵, а также в «Диван лугат ат-турк», включающем в себя лексику X–XI вв.⁶, представлена лексема *ант*; б) в мифологических текстах карачаево-балкарского языка, а также эпосе «Нарты», ядро которого предположительно относится к VII в. до н. э. — V в. н. э., широко используется лексема *ант*.

Итак, данные анализа различных подходов к решению проблемы этимологизации лексемы *ант* в тюркских языках подтверждает происхождение данной лексемы в карачаево-балкарском языке от средне-монгольского слова *анда* 'клятва'.

Концепт-словоформа

Концепт *Ант* в карачаево-балкарском языке объективируется лексемой *ант*, которая в словарях толкуется как: *кзаргганыу сёз, бир затны этер ючюн берилген сёз* 'клятва, клятвенное обещание, зарок'⁷; 'клятва, обет, зарок, присяга'⁸. В указанном значении используется также слово *кзаргганыу* — имя действия от *кзаргган* 'божиться, клясться'⁹, которое происходит от древнетюркской глагольной формы *qarğan* 'ругать, проклинать'¹⁰.

В карачаево-балкарском языке, как и во многих тюркских языках, *Ант* объективируется не только отдельной лексемой, но и посредством модели *ант* + глагольная форма *ант эт*.

Богат деривационный потенциал репрезентантов концепта *Ант*. Слова, производные от лексемы *ант*, в карачаево-балкарском языке приобрели различные семантические оттенки: *антлы* 'преданный, верный'; *антым* 'клянусь'; *антсыз* 'нечестный, недобросовестный'; *антсызма* 'честное слово' (используется в значении 'клянусь, я не я, если ...')¹¹; *антчы* 'клянувшийся часто'¹². Неко-

¹ Русско-якутский словарь / под ред. П. С. Афанасьева и Л. Н. Харитонов. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 228.

² Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. С. 151.

³ Там же.

⁴ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 147.

⁵ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 520.

⁶ *Divanü Lugat-it-Türk Tercümesi/ Çeviren Besim Atalay. 3. Baskı. Cilt I. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları: 521, 1992. S. 459.*

⁷ *Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю* [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 1. С. 159.

⁸ *Къарачай-малкъар-орус сёзлюк* [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. С. 66.

⁹ *Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю* [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. 2. С. 582.

¹⁰ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 426.

¹¹ *Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю* [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. 1. С. 161–162.

¹² *Къарачай-малкъар-орус сёзлюк* [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. С. 66.

торые производные слова развили иные значения, например: *антсыз* '1) клятвopеcтyпник, 2) безбожник, 3) сорванец, проказник, баловник, 4) жестокий, немилосердный'¹.

Слова, образованные от лексемы *кзаргга* 'проклинать', кроме возвратной формы глагола и её производных, формально и семантически связаны с древнетюркским словом *qarğa* 'ругать, проклинать', например: *кзарггыш* 'проклятие', *кзарггышылык* 'достойный проклятия, проклятый', *кзарггышычы* 'тот, кто часто проклинает'².

Лексема *ант* широко используется и в устойчивых сочетаниях: *ант этдир* 'ей-богу!'; *ант жетмезлик* 'сорванец, чертёнок'; *ант ургган* 'наказанный (богом)'; *ант ызындан болсун* 'пусть он будет проклят'³.

В современной повседневной речи балкарцев и карачаевцев репрезентанты концепта *Ант* — словоформы *ант этерге* 'клясться' и *кзаргганыргга* 'клясться' — не всегда находят выражение в структуре клятвенной формулы. Вместо предложений с данными словоформами: *Аллах бла кзаргганама*, *алмагганма* 'Клянусь Богом, я не брала' и *Ант этеме*, *алмагганма* 'Клянусь, я не брала' в обыденной коммуникации используются их эквиваленты без данных глаголов: *Аллах бир(ди)*, *алмагганма*⁴ 'Ей-богу, я не брала досл. Бог един, я не брала'⁵, *Оллахий*, *алмагганма*⁶ 'Клянусь, я не брала'. Однако отсутствие глаголов *ант этерге* и *кзаргганыргга* в структуре клятвенной формулы не означает отсутствия смысла, присущего клятве.

Клятвенная формула без данных глаголов в зависимости от целей высказывания может выступать как речевой акт клятвы: *Анамдан ицхен сютюм харам болсун, мен ол жашха болушмасам*⁷ 'Пусть молоко матери будет мне не впрок, если я не помогу этому парню'.

Наряду со словоформами *ант этерге* и *кзаргганыргга* в репрезентации клятвы в карачаево-балкарском языке участвуют клишированные обороты с компонентами *ючюн* 'за', *хакгына* 'в честь', *къачына* 'в честь, во имя', например: *диним хакгына* 'клянусь своей верой (досл. во имя моей веры)'; *Аллах, фйхамбар хакгына* 'именем Аллаха и пророка (клянусь)'; *бу ашны къацына* 'клянусь этой едой (досл. во имя этой еды, уважая эту еду)'; *анамы заны ючюн* 'клянусь душой своей матери (досл. за душу своей матери)', характерные для речи пожилых людей.

Прагматическая цель клятвенной формулы поддерживается упоминанием в её структуре слов — имён кого-либо или чего-либо, жизненно важных, священных для говорящего и адресата. К числу таких имён, выступающих залогом незыблемости клятвы, относятся: *Аллах* 'Бог', *фйхамбар* 'пророк', *дин* 'религия, вера', *Тейри* — верховное божество в карачаево-балкарском языческом пантеоне, *жан* 'душа', *ата* 'отец', *ана* 'мать', *аш* 'пища, еда', *къач* 'честь, уважение', *бет* 'лицо', *сют* 'молоко'. Эти компоненты, несмотря на кажущееся различие, связаны с материальными и моральными основами жизни человека.

В структуре клятвенных формул в обыденной речи балкарцев и карачаевцев содержатся и такие компоненты, как *сау* 'живой, здоровый', *ёлме* 'не умирай': *Мажмудин сау келсин, анга бир хаттам зетмегенди*⁸ 'Клянусь Мажмудином (досл. Пусть Мажмудин вернётся живым), ничего плохого

¹ Там же.

² Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. 2. С. 583.

³ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. 1. С. 159.

⁴ Записано со слов Манияевой Багъалы Халимовны, 1957 г. р. Проживала в селении Верхняя Жемтала Кабардино-Балкарской Республики.

⁵ Здесь и далее переводы выполнены А. И. Геляевой.

⁶ Записано со слов Мамаева Азрета Магомедовича, 1968 г. р. Место проживания селение Верхняя Балкария Кабардино-Балкарской Республики.

⁷ Записано со слов Чочаева Абусалама Тамуковича, 1939 г. р. Проживал в селении Верхняя Жемтала Кабардино-Балкарской Республики. В тексте (и далее в текстах) сохранены особенности цокающе-зокающего диалекта карачаево-балкарского языка.

⁸ Записано со слов Жангоразовой Жансурат Османовны, 1936 г. р. Проживала в селении Верхняя Балкария Кабардино-Балкарской Республики.

я ему не сделала'; *Атам-анам ёлмесин, сенден бир зат бухтурмайма*¹ 'Клянусь отцом и матерью (досл. Пусть не умрут мои отец и мать), я от тебя ничего не скрываю'.

Единицы объективации концепта *Ант* функционируют в различных культурных текстах, относящихся к разным хронологическим этапам. К числу таких единиц относятся приведённые ниже устойчивые сочетания: *юйюнге ант кирсин* досл. 'чтобы в твой дом вошёл ант', *ант жетсин* досл. 'чтоб ант настиг', *ант ургъан* досл. 'ударенный Ант'²; *ант (сени) кзурутсун* досл. 'пусть Ант (тебя) уничтожит'³. Репрезентированная в их внутренней форме информация свидетельствует о глубокой укоренённости в карачаево-балкарском языке мифологических представлений об *анте* как о персонифицированном понятии и, как предполагает С. Кондыбай, о прототюркском божестве⁴. Кроме того, эти сочетания подтверждают, что «язычество предопределило существенные признаки менталитета этноса, его жизненную философию» (Геляева, 2002: 124).

По мнению Г. Г. Слышкина, «чем шире и разнообразнее потенциал знакового выражения концепта, тем более древним этот концепт является и тем большей ценностной значимостью в границах данного языкового коллектива он обладает» (Слышкин, 2000: 18). Многообразие формальной объективации *Ант* как концепта-словоформы подтверждает это мнение.

Итак, *Ант* как концепт-словоформа в карачаево-балкарском языке репрезентирован лексемами *ант*, *кзаргъаныу*, *ант этерге*, *кзаргъаныргъа*, клятвенными формулами, не содержащими данные лексемы, клишированными оборотами с компонентами *ючюн* 'за', *хакъына* 'в честь', *къачына* 'в честь, во имя'.

Концепт-идея

В данном разделе для нас важна актуализация того, что концепты являются «важнейшими идеями культуры, имеющими богатство форм, в том числе словоформ, диалектически связываемыми с человеческой активностью (будучи их результатом и в свою очередь определяющие ее), а также с вещами, материальными объектами, которые воплощают в себе результаты осмысления человеком-создателем этих идей» (Ламажаа, 2023: 16).

Специфику *Ант* как концепта-идеи определяет то, что клятвы представляют собой перформативные⁵ высказывания. Действительно, особенность клятвенной формулы, по мнению автора теории речевых актов Дж. Остина (Остин, 1986), состоит в том, что её понятийную и функциональную основу составляет единство слова и действия, а именно: произнесение клятвенной формулы *ант этеме* 'клянусь' и есть выполнение речевого действия. В языке есть высказывания, которые не описывают и не называют действия, а производят его. «...Соответствующее перформативу действие осуществляется самим речевым актом»⁶, произнесение которого есть совершение речевого действия, а вид этого действия «звучит» в самом акте речи (Остин, 1986: 22; Арутюнова, 2023: 335).

Если основными номинантами концепта-идеи выступают словоформы *ант* и *кзаргъаныу*, то клятва как речевой акт реализуется в словоформах-перформативах *ант этерге* и *кзаргъаныргъа*. Выступая в форме 1-го лица единственного числа настоящего времени, эти словоформы выражают взятие на себя обязательства: *ант этеме* 'клянусь', *кзаргъанама* 'клянусь'. Поэтому словесное обязательство, на наш взгляд, есть идея концепта.

¹ Записано со слов Мамаевой Аминат Магомедовны, 1954 г. р. Место проживания селение Верхняя Балкария Кабардино-Балкарской Республики.

² Къарачай-малкъар-орус сёзлюк [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. С. 66.

³ Къарачай-малкъар тилни ангълатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч том-лукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 1. С. 159.

⁴ Кондыбай С. Арғықазақ мифологиясы [Мифология предказахов]: в 4-х т. Алматы: Дайк-пресс, 2004. Т. 4. Раздел 10. (На каз. яз.).

⁵ Под перформативными понимаются высказывания, равноценные совершаемому действию.

⁶ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 372.

В карачаево-балкарском языке базовым концептуальным признаком *Ант* выступает сѣз 'слово, обещание'¹, поскольку человек, связывающий себя клятвой, даёт слово-клятву, обещает, уверяет выполнить взятое на себя обязательство.

Мы полагаем, что в основе культурной идеи концепта *Ант* лежат понятия «слово-обязательство», «слово-уверение», «слово-обещание» быть верным данному слову. Дальнейшее разворачивание этой главной идеи концепта, а именно: в выполнении каких обязательств уверяет клянувшийся — обуславливает воплощение в карачаево-балкарской культуре различных типов клятв: клятвы друзьям, клятвы врагам, клятвы членов суда, клятвы, используемые в обыденной жизни с целью уверения кого-либо в чём-либо.

В текстах тезауруса культуры карачаево-балкарского этноса, начиная с мифологических текстов и заканчивая судопроизводством в XIX в. и в первые десятилетия XX в., представлены различные типы клятв, в которых основная идея концепта *Ант* объективируется отличающимися компонентами смыслового наполнения.

В клятвах друзьям таким компонентом выступает «верность данному слову». К числу клятв и клятвенных обрядов, которые встречаются в мифологических текстах, а также бытуют и в наши дни, относится клятвенный обряд, совершаемый между друзьями. Этот обряд носит название *Чѣп ант* досл. 'Клятва соломинки'². Суть обряда заключается в следующем: двое парней брали соломинку за оба конца и произносили клятву: «Клянусь быть верным в горе и радости ... Если один из них просил другого поддержать в важном (чаще опасном) деле и протягивал соломинку, другой выражал своё согласие тем, что отрывал конец соломинки. При несогласии он не дотрагивался до соломинки. Тогда протягивающий ломал соломинку и кидал на землю, говоря, коли так, то наша дружба разорвана»³.

Примером клятвы врагам является, например, клятва главного героя эпоса «Нарты» Ёрюзмека, который поклялся истребить не только эмегенов⁴, но и божества нартов — Красного Фука⁵.

*Нартны дертин мен да
анга унутмам, ...
Къызыл Фуку, тейри, мен да къутултам!...
Ой, мен да Ёрюзбек болмам,
сен энди жасакъ салсанг,...
Нартны юсюнде андан кѣп а ойнасанг!...!*⁶

‘Его оскорбление нартов я не забуду, ...
Клянусь, Рыжему Фуку я этого не прощу!...
Ой, я Ёрюзбеком не буду, если впредь ты (их)
данью обложишь,... Если ты ещё над нартами
поизмываешься!...’⁷

Основная идея клятвы, обращённой к врагу, репрезентирована не глаголом *клянусь*, а формулой ‘Я Ёрюзбеком не буду, если ...’. Данной клятвой репрезентируется уверение не давать совершать несправедные дела.

Особым смысловым наполнением отличается и клятва-присяга главы стражников третейского суда. Выполняя распоряжение главы суда, он, взяв в левую руку горсть земли и держа в правой руке меч, говорил перед народом следующее:

¹ Къарачай-малкъар-орус сѣзлюк [Карачаево-балкарско-русский словарь] / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Сунчуева. М.: Русский язык, 1989. С. 556.

² Къарачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост., предисл. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 124.

³ Там же.

⁴ Эмегены — в текстах эпоса «Нарты» многоголовые чудовища, враги героев эпоса.

⁵ Фук — в карачаево-балкарской мифологии одна из трансформаций древнейшего образа покровителя плодородия, в виде «быка ветра», персонаж нартского эпоса.

⁶ Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 82.

⁷ Там же. С. 317.

О Аллах!
Этген **антымы** сен буздурма,
Ызымдан аман сёз айтдырма,
Тёрен¹ аллында
бетими кызыртма!²

‘О Аллах!
Не дай мне нарушить мою клятву,
Не дай, чтобы меня вслед осуждали,
Не дай мне краснеть перед Тёре!

В данной клятве объективирован компонент основной идеи концепта — «слово-обязательство» соблюдения клятвы.

Самые ранние свидетельства объективации идеи клятвы мы находим в мифологических текстах и эпосе «Нарты»³, в которых часто встречаются обращения героев к *Тейри* и отдельным божествам как гарантам её исполнения. Клятвы, обращённые к *Тейри*, встречаются в сказаниях, являющихся наиболее архаическим пластом эпоса.

*Тейри! Сени кзулунгма,
Кесим да нарт улума!
Тейри! Санга антлыма,
Бир санга багынама!*⁴

‘Тейри! Я твой раб
Я есть сын нартв!
Тейри! Связан с тобой клятвой, Покоряюсь только
тебе одному!...

К числу клятв, обладающих большой воздействующей силой, фольклористы относят следующую: *Уас, Элия, гезе къачы*⁵, *Татартюп!*⁶ По легенде она «обращена к божеству молнии *Элия* и домику в местечке *Татартюп*, куда водили людей, подозреваемых в воровстве, чтобы они поклялись на цепи. Если подозреваемый был виновен, то он не мог ухватиться за цепь, потому что она поднималась высоко в небо»⁷.

Следующий клятвенный обряд, который встречается в мифологических текстах и использовался балкарцами и карачаевцами вплоть до начала XX в., называется *Таякъ ант* досл. ‘Палочная клятва/присяга’, которая произносилась перед судом Тёре. Это «обряд произнесения присяги, когда присягающие проходили под палкой из ветви почитаемого дерева, которую держали за оба конца двое старейшин»⁸. Не соблюдающих клятву называли *Ант алдагъан*⁹ ‘Клятвопреступник’ досл. ‘лгущий Анту’.

Те же концептуальные признаки, репрезентирующие основную идею *Ант*, представлены и в других составляющих тезауруса культуры карачаево-балкарского этноса — в сказках, лирических и героических песнях:

¹ Тёре — третейский суд.

² Къарачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост., предисл. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 125.

³ Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994.

⁴ Къарачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост., предисл. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 451.

⁵ Къач — в карачаево-балкарской мифологии 1) «крест, образ, икона, честь»; 2) «присяга»; её приносили, стоя в круге, перечёркнутом крестом; 3) метка в виде креста, которую наносили на правую лопатку молодого воина, прошедшего испытательный срок и принесшего присягу».

⁶ Къарачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост., предисл. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 385.

⁷ Къарачай-малкъар фольклор. Хрестоматия [Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия]. Нальчик: Эльфа, 1996. С. 54.

⁸ Къарачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост., предисл. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 478.

⁹ Къарачай-малкъар фольклор. Хрестоматия [Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия]. Нальчик: Эльфа, 1996. С. 54.

Мен ханны кызыма, сеннге барырга сёз бергеним
эсиге туюп, **антыма** ёлмейим деп келгенме,
эшигни ач¹

‘Я дочь хана, вспомнила, что дала слово выйти
за тебя, пришла сюда, чтобы не нарушить своей
клятвы, открой дверь’.

Ой тузакды дейле,
антым, кзоймайла,
Мени кблумдагы кзурукъга,
Айжакъны суймей не этейим,
Ол юретири ариу кылыкъга²

‘Ой оковы, говорят,
клянусь, не оставляю в покое,
О шесте, что в моей руке,
Как же не любить мне Айжакъ,
Она научит хорошим манерам’

Анама туугъан улан болмаймы,
Бу жашны айтханын кечирсем!³

‘Не буду я сыном своей матери,
Если я прошу слова этого парня!’

Такой компонент идеи концепта, как «слово-обязательство», объективируется и в клятвах воинов, в частности, песнях, посвящённых Великой Отечественной войне. В них отражаются реалии советского времени, исторические события и личности.

Ой, халал тенгим, багъалы тенгим,
Антлы болгъанбыз экибиз.
Бир заманда эсингден кетмесин
Присягада сёзюбюз...
Аллах башыбызда, Жуков бизни бла,
Этген муратлагъа жетербиз.
Бир солдатыбызны орнуна биз
Фашистлени гунч этербиз⁴

‘Ой преданный друг, дорогой друг,
Мы связаны с тобой клятвой.
Никогда не забывай о словах,
(сказанных) во время присяги...
Бог над нами, Жуков с нами,
Добьёмся намеченной цели.
Вместо одного нашего солдата
Уничтожим (всех) фашистов’

При рассмотрении *Ант* как концепта-идеи интерес представляет сравнение судебной практики на Северном Кавказе в XIX в. с современным судопроизводством. Если в правовых институтах XIX в. большую роль играли нормы обычного права (Миллер, 1902; и др.⁵), а разные виды клятв расценивались как «способ раскрыть истину», как «форма доказательства» (Миллер, 1902: 42; Абайханова, 2014: 14), то в современном судебном процессе клятва обвиняемого не квалифицируется как правовой документ. Всё это, а также невостребованность произнесения присяги на карачаево-балкарском языке, привели к тому, что *Ант* с течением времени претерпел сужение значения. Однако, являясь частью обычного права карачаево-балкарской культуры, клятва в обыденной речи сохранила такие традиционные компоненты значения, характерные для концепта-идеи, как «уверение», «обещание», «обязательство», хотя лексемы *ант* и *къаргъаныу* редко используются в клятвенной формуле. «Их появление в языковой структуре маркирует торжественность ситуации...», — отмечают А. И. Геляева и Дж. Дж. Хучинаева (Геляева, Хучинаева, 2015: 76).

¹ Къарачай халкъ таурухла [Карачаевские народные сказки] / сост. С. А. Гочияева, Р. А.-К. Ортабаева, Х. И. Суюнчев. Черкесск: Кар.-Черкесск. кн. изд-во, 1963. С. 185.

² Там же. С. 313.

³ Къарачай-малкъар фольклор [Карачаево-балкарский фольклор]: хрестоматия / ред. А. Т. Додуева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 254.

⁴ Къарачай-малкъар фольклор. Хрестоматия [Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия]. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 307–308.

⁵ Абаев М. К. Балкария // Мусульманин. Париж. 1911. № 14–17. С. 586–627.

Некоторая активность лексемы *ант* наблюдается в средствах массовой информации в связи с военной тематикой, например: *Антларына табыннган жашла бла ёхтемленеме*¹ 'Горжусь ребятами, которые верны своей клятве', *Антына кертчилиги, кишилиги бла айырмалыды*² 'Отличается верностью клятве и мужеством'; *Залим кьуллугъун Сизни эмда аскер антыны намысын тюшюрмей бардырады*³ 'Залим служит, соблюдая верность клятве воина и ответственность перед Вами'.

Итак, *Ант* как концепт-идея находит воплощение в разных составляющих карачаево-балкарской этнолингвокультуры. Ценность данного концепта в культуре подкрепляется такими концептуальными признаками основной идеи клятвы, как «уверение в верности данному слову», «обещание не нарушать клятвы», «уверение выполнить обязательство».

Концепт — социальный регулятор

Ант относится к существенным для карачаево-балкарской культуры ценностным доминантам, который в разные хронологические периоды жизни народа выполнял регулирующую роль в социуме, обуславливая определённый тип поведения человека. Оценочное отношение общества к клятвопреступнику, а также к человеку, верному данному слову, являлось мощным рычагом, организующим социальные взаимоотношения.

В текстах, относящихся к разным историческим этапам, регулирующая роль клятвы представлена по-разному. В историко-культурном плане интерес представляют клятвы членов Тёре, который в конце XIX — начале XX в. в Балкарии и Карачае играл большую роль в решении споров и конфликтов на основе норм обычного права. Например, как приговор, вынесенный себе перед лицом Тёре, выступает клятва-присяга главы третейского суда:

Ант алдагъан болсам...
От тёбеси болайым,
Кюл тёбеси болайым,
Тейриге, адамгъа да
*Аман бетден кёрюнейим!*⁴

'Если я нарушу свою клятву...
Да сгореть мне в огне
Да стать мне пепелищем,
Да презирают меня
Тейри и народ!'

Ант выполнял функцию регламентации деятельности и модели поведения должностного лица. Строгого наказания требовало общество к нарушившему клятву-присягу.

Клятву произносили также избранные в третейский суд люди.

...Башымдагъы кёк бла,
Тюбюмдеги жер бла
Ант этеме!
Кюн бла, Ай бла,
Жерими топурагъы сууу бла...
Ант этеме!
Тытыр ташым, от жагъам бла,
Тукъумум-жугъум бла
Ант этеме!
Антымы тутаргъа,
Тёреге, халкъгъа кертчи болургъа
Ант этеме!⁵

'...Небом, что надо мною,
Землёй, что подо мною
Клянусь!
Солнцем и Луной,
Почвой и водой...
Клянусь!
Родным домом, камнем очага,
Родом и близкими
Клянусь!
Оставаться верным клятве,
Быть честным перед народом и Тёре
Клянусь!'

¹ Темуккуланы А. [Темуккуева А.] Антларына табыннган жашла бла ёхтемленеме [Горжусь ребятами, верными клятвн] // Заман (газета). 2025, 21 июня. № 74 (21587). С. 10 (На балк. яз.)

² Холаланы М. [Холаева М.] Антына кертчилиги, кишилиги бла айырмалыды [Отличается верностью клятве и мужеством] // Заман (газета). 2026, 14 февраля. № 18 (21687). С. 2 (На балк. яз.).

³ Там же.

⁴ Къарачай-малкъар мифле [Карачаево-балкарские мифы] / сост., предисл. М. Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 125.

⁵ Там же.

Эти клятвы, акцентирующие официальность ситуации, отличаются обязательностью использования клятвенной формулы *ант этеме*, тогда как в неформальной речи данная лексема встречается редко при сохранении прагматической цели высказывания.

Не все клятвы требовали такой жёсткой регламентации. Например, у балкарцев и карачаевцев существовал обычай клясться хлебом. Клятвенный обряд заключался в том, что испечённый хлеб вытаскивали из золы, прижимали к груди и произносили клятву: *Муну къачы мени урсун...* 'Этим хлебом клянусь досл. Пусть покарает меня честь этого хлеба, если...'¹. Этот клятвенный обряд репрезентирует также принятое в данном обществе отношение к хлебу как к священному объекту. В традиционной культуре ненадлежащее обращение с хлебом порицалось обществом. Поэтому клятва хлебом с небольшой трансформацией обряда используется в повседневной жизни и сегодня.

С принятием ислама в Балкарии и Карачае изменился порядок проведения клятвенного обряда. Клятва на Коране, её регулирующая роль заключалась в закреплении сказанных слов, что служило гарантией надёжности и нерушимости клятвы. Приведём вариант клятвы на Коране, записанный со слов информанта:

*Бу кзуран бла ант этеме жамауатны аллында бу адамны терс болмаганына. Ётюрюк айта эсем, мени Аллах урсун!*²

'Перед народом клянусь этим Кораном, что этот человек не виновен. Если я говорю неправду, пусть Бог меня покарает!'

Особый интерес с точки зрения динамики клятвенного обряда представляет статья В. Прёле, где описан сегмент обряда сватовства у карачаевцев (Pröhle, 1909). Хотя в описании В. Прёле нет клятвенных формул, весь контекст обряда, а также обещания отцов жениха и невесты в присутствии муллы, совершающего обряд и выступающего гарантом его исполнения, репрезентируют одну из форм бытования концепта *Ант* в карачаево-балкарской этнолингвокультуре и выполнения им регулирующей функции.

В современной карачаево-балкарской культуре, вопреки тому, что в обыденной коммуникации редко используются лексемы *ант этерге* и *кзаргъаныргъа*, соблюдение предписанных клятвой норм относится к неписанным правилам поведения. Широкое использование в повседневной речи таких синонимичных клятве словесных формул, как *сёз береме* 'даю слово'; *бойнума алама* 'обязуюсь выполнить (досл. беру на свою шею)', свидетельствует о незыблемости основной идеи клятвы — слова-обязательства, которое является ментальной установкой, выступающей ориентиром поведения в социальных отношениях: *Охо, Шахадат, Сейитланы ишлерин бу ыйыкда кзуаргъа мен боюнума алама*³ 'Хорошо, Шахадат, я обязуюсь (даю слово) организовать дело Сейита и других на этой неделе'.

Итак, в социальной жизни *Ант* в разной степени объективирован как концепт-регулятор. Жёстко регламентированная регулятивная функция концепта *Ант* проявляется в официальных обстоятельствах. Ситуации неформального общения, не требуя жёсткой регламентации и использования основных репрезентантов концепта, предписывают следование нормам обычного права.

Репрезентанты в тюркских языках

Сравнение репрезентантов концепта *Ант* карачаево-балкарского языка с его номинантами в тюркских языках способствует расширению понимания исторических и культурных взаимосвязей между тюркскими народами и выявлению возможных векторов формальной и семантической эволюции базовых концептов в результате проживания народов в разных географических ареалах. Кроме того, такое сравнение поможет выявить векторы развития данного концепта в тезаурусе карачаево-балкарской культуры.

¹ Къарачай-малкъар фольклор [Карачаево-балкарский фольклор]: хрестоматия / ред. А. Т. Додуева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 54.

² Записано со слов Чочаева Абдуллы Тамуковича, 1921 г. р. Проживал в селении Верхняя Жемтала Кабардино-Балкарской Республики.

³ Боташланы И. Ж. [Боташев И. Ж.] Пъесала [Пьесы]. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 141.

Посредством метода аппликации словарных статей лексемы *ант* в разных тюркских языках выявлено, что концепт *Ант* в карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, объективируется как отдельными лексемами, так и моделью *ант* + глагольная форма: *ант эт* 'клясться, божиться, давать зарок, зарекаться'¹, *ant etmek*, *ant içmek*² 'клясться'.

Анализ словарей тюркских языков показывает, что имя концепта *Ант* — лексема *ант* с вариациями фонем *ант/анд/онт* встречается главным образом в юго-западных тюркских языках: в азербайджанском³, башкирском⁴, казахском⁵, каракалпакском⁶, карачаево-балкарском⁷, киргизском⁸, кумыкском⁹, ногайском¹⁰; татарском¹¹, турецком¹², уйгурском¹³, узбекском¹⁴.

Лексема *къаргъаныу* является специфическим номинантом концепта *Ант* карачаево-балкарского языка. Возвратная форма глагола *къаргъан* реализует значение 'клясться' только в карачаево-балкарском¹⁵ и шорском¹⁶ языках.

Во многих тюркских языках все образования от глагола *qarğa* сохранили представленное в «Древнетюркском словаре» значение 'проклинать, ругать'¹⁷. Например, в современном тувинском языке, как глагол *каргаар* / *карга* '1) проклинать; 2) ругать, бранить', так и образованные от него залоговые формы: *каргадыр* / *каргат*; *карганыр* / *карган* и производные *каргыш* 'проклятие' и *каргыштыг* 'проклятый', не связаны со значением клятвы, а реализуют семантику проклятия¹⁸.

Сравнение карачаево-балкарских лексем *ант* и *къаргъаныу* с репрезентантами данного концепта в языках тюркских народов, населяющих восточные регионы России, показывает, что из используемых в них слов *черт*¹⁹, *сирт*²⁰, *шерт*²¹, в современном карачаево-балкарском языке сохранилось слово *шарт*, которое развило значения, не связанные или отдалённо связанные с данным концептом: *шарт* '1. Условие, обстановка. 2. Свойство, признак, черта. 3. Пример, факт. 4. Правда, истина',

¹ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эльфа, 1996. Т. 1. С. 159.

² Турецко-русский словарь / под ред. Э. М.-Э. Мустафаева и Л. Н. Старостова. М.: Русский язык, 1977. С. 57.

³ Русско-азербайджанский словарь / под ред. А. Г. Оруджева. Баку: Азернешр, 1955. С. 154.

⁴ Русско-башкирский словарь: в 2-х т. / под ред. З. Г. Ураксина. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. Т. 1. А–О. С. 466.

⁵ Русско-казахский словарь / под общ. ред. Н. Т. Сауранбаева. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1954. С. 278.

⁶ Русско-каракалпакский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 342.

⁷ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 1996. Т. 1. С. 159.

⁸ Русско-киргизский словарь / под ред. К. К. Юдакина. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. С. 284.

⁹ Кумыкско-русский словарь / под ред. Б. Г. Бамматова. Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, 2013. С. 29.

¹⁰ Русско-ногайский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. С. 251.

¹¹ Русско-татарский словарь: в 4-х т. / глав. ред. Н. К. Дмитриев. Казань: Татарское книжн. изд-во, 1971. Т. 1. С. 43.

¹² Турецко-русский словарь / под ред. Э. М.-Э. Мустафаева и Л. Н. Старостова. М.: Русский язык, 1977. С. 57.

¹³ Русско-уйгурский словарь / под ред. Т. Р. Рахимова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. С. 484.

¹⁴ Русско-узбекский словарь / под ред. Р. Абдурахманова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1954. С. 294.

¹⁵ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч томлукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. 2. С. 582.

¹⁶ Шорско-русский и русско-шорский словарь / Н. Н. Курпешко-Таннагашева, Ф. Я. Апонькин. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1993. С. 23.

¹⁷ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 426.

¹⁸ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1968. С. 229.

¹⁹ Русско-алтайский словарь: около 33 000 слов / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Сов. энциклопедия, 1964. С. 246.

²⁰ Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. С. 472.

²¹ Шорско-русский и русско-шорский словарь / Н. Н. Курпешко-Таннагашева, Ф. Я. Апонькин. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1993. С. 23.

шарт II 'Ясно, отчётливо'¹. В карачаево-балкарском языке реализуется лишь одно значение лексемы *şart* 'условие', зафиксированное в «Древнетюркском словаре»².

В карачаево-балкарском языке не используются также характерные для ряда тюркских языков слова арабского происхождения *نيمين* [йамин] *uemin*³ 'клятва, присяга' и *қасам/касам/سقلامسقى* [qsm]⁴ 'клятва'. Последнее в карачаево-балкарском языке приобрело форму *кесамат* и отличается значительным расширением семантики: '1. Решение, соглашение, договор, 2. Мнение, утверждение, 3. Умение, 4. Оценка, суждение'⁵.

Проведённый анализ номинантов концепта Ант в карачаево-балкарском языке сквозь призму тюркских языков свидетельствует о том, что основной номинант концепта — лексема *ант* сохранила формальное и смысловое единство с тюркскими языками юго-западного ареала. Второй номинант данного концепта *къаргъаныу* от древнетюркского глагола *qarğan* обнаруживает со многими тюркскими языками только формальную общность, поскольку в этих языках, как в «Древнетюркском словаре» и «Диван лугат ат-турк», все формы от глагола *qarğan* связаны с семантикой проклятия, а не клятвы.

Лексемы *şart*, *қасам*, *uemin*, используемые в других тюркских языках в значении «клятва», в карачаево-балкарском языке либо не употребляются вовсе, либо сформировали самостоятельные значения, отдалённо соотнесённые с семантикой концепта Ант.

Заключение

Результаты исследования репрезентантов концепта Ант в карачаево-балкарской этнолингвокультуре с точки зрения формы, идеи и функционирования подтверждают, что данный концепт характеризуется многогранностью, обусловленной, во-первых, интеграцией в нём не только особенностей данной этнолингвокультуры, но и общетюркских и монгольских компонентов; во-вторых, объединением элементов, относящихся к разным хронологическим этапам в жизни карачаево-балкарского этноса; в-третьих, представленностью в тезаурусе культуры не только вербальными, но и сопровождающими их иными семиотическими средствами.

Анализ данных лексикографических источников тюркских языков, различных составляющих тезауруса карачаево-балкарской этнолингвокультуры, а также мнений известных тюркологов позволил реконструировать первичную идею концептуализации Ант, репрезентированную лексемой *ант*, восходящей к средне-монгольскому слову *анда* 'клятва'.

Сравнение номинантов концепта Ант карачаево-балкарского языка и других тюркских языков показало, что основное имя концепта — лексема *ант* сохранила формальное и смысловое единство с репрезентантами данного концепта в современных тюркских языках юго-западного ареала. Лексема *къаргъаныу* является специфическим номинантом концепта Ант в карачаево-балкарском языке. Наличие лексем *ант* и *къаргъан* карачаево-балкарского языка в древнетюркских словарях, отражающих лексику VII–XII вв., зафиксированную также в памятниках древнетюркской письменности, свидетельствует о том, что данные слова относятся к наиболее древнему пласту словарного состава карачаево-балкарского языка, восходящего как к собственно тюркской, так и монгольской лексике.

Определено отличие концепта Ант от других концептов, состоящее в том, что его понятийную основу образует единство произнесённой клятвенной формулы и действия, которое создаёт культурную идею концепта Ант.

Проведённое исследование показало, что концепт Ант в пространстве карачаево-балкарской этнолингвокультуры представлен как динамическая система, концептуальные составляющие которого,

¹ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч том-лукъ [В трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эльфа, 1996. Т. 1. С. 973–974.

² Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 520.

³ Турецко-русский словарь / под ред. Э. М.-Э. Мустафаева и Л. Н. Старостова. М.: Русский язык, 1977. С. 921.

⁴ Борисов В. М. Русско-арабский словарь: около 43000 слов: в 2-х т. М.: Изд-во «Русский язык», 1981. Т. 1. С. 361.

⁵ Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю [Толковый словарь карачаево-балкарского языка]. Юч том-лукъ [в трёх томах] / гл. ред. Ж. М. Гузеев. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т. 2. С. 220.

объективируя различные периоды в истории народа, отражают характерные для него социально-культурный опыт, ценности и способы бытования.

Выявлено, что на разных этапах исторического развития в разной степени объективирована регулирующая роль концепта *Ант*, обуславливающая определенный тип поведения в соответствии с нормами, принятыми в данном обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев, В. И. (1957) Проблемы нартского эпоса // Нартский эпос : Материалы совещания 19-20 окт. 1956 г. / редакция: В. И. Абаев [и др.]. Орджоникидзе : Сев.-Осет. кн. изд-во. 232 с. С. 39–56.
- Абайханова, П. И. (2014) Присяга в обычном праве Карачая // Северо-Кавказский юридический вестник. № 2. С. 13–17.
- Апресян, Ю. Д. (1986) Перформативы в грамматике и словаре // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 45. № 3. С. 208–223.
- Арутюнова, Н. Д. (2023) Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М. : Ленанд. 384 с.
- Бахтин, М. М. (1996) Собрание сочинений. М. : Русские словари. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. 731 с. С. 159–206.
- Галлямова, Н. Ш. (2010) Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты // Язык и культура. № 3. С. 16–32.
- Геляева, А. И. (2002) Человек в языковой картине мира. Нальчик : Каб.-Балк. ун-т. 177 с.
- Геляева, А. И., Хучинаева, Дж. Дж. (2015) Этноспецифическая манифестация клятв и заклинаний (на материале карачаево-балкарского языка) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 1 (17). С. 74–81.
- Дампилова, Л. С. (2022) Жанр клятв в монгольско-маньчжурских источниках // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 81. № 3. С. 64–73.
- Джуртубаев, М. Ч. (1991) Древние верования балкарцев и карачаевцев : краткий очерк. Нальчик : Эльбрус. 256 с.
- Иванов, Е. Е. (2022) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15. № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>
- Карабыков, А. В. (2006) Речевой жанр клятвы в истории культуры // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: материалы I Международной научной конференции (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.): в 4 частях» / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Кемерово : Юнити. Ч. 3. Вып. 8. 340 с. С. 226–231.
- Карасик, В. И. (2004) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис. 390 с.
- Кормина, Ж. В. (2004) Воинская присяга: к истории одного перформатива // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. № 1 (33). С. 100–105.
- Курбатский Г. Н. (2001) Тувинцы в своём фольклоре: Историко-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл : Тув. кн. изд-во. 462 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Ланских, Ю. В. (2022) Брачная клятва как особый вид текста (на материале немецкого языка) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. № 2 (73). С. 94–100. DOI: <https://doi.org/10.26456/vtflol/2022.2.094>
- Ляпин, С. Х. (1997) Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 1 / отв. ред. (сост.) О. П. Скидан. Архангельск : Изд-во Помор. гос. ун-та. 191 с. С. 11–35.
- Мелик-Гайказян, И. В., Мещерякова, Т. В. (2015) Клятва Гиппократ: трансформация семантики и возрождение прагматики // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. Т. 9. №1. С. 35–44.
- Миллер, Б. В. (1902) Из области обычного права карачаевцев, гл. IV и V // Этнографическое обозрение. Кн. LIV. № 3. С. 67–88.
- Мудрак, О. А. (2012) Поэзия у Махмуда Кашгарского как свидетельство тюркско-монгольских языковых контактов // Вопросы тюркологии. № 2. С. 7–46.

Остин, Дж. Л. (1986) Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII / сост. и вступит. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс. 424 с. С. 22-131.

Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2001) Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения // Культура общения и ее формирование. Вып. 8 / отв. ред. И. А. Стернин. Воронеж : Полиграф. 224 с. С. 27-30.

Потанин, Г. Н. (2005) Очерки Северо-Западной Монголии. Изд. 2-е. Горно-Алтайск : Изд-во «АкЧечек». 1026 с.

Серль, Дж. Р. (1986) Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. XVII / сост. и вступит. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс. 424 с. С. 151-169.

Сидоренко, А. В. (2016) Детская клятва в советскую эпоху: речевые характеристики // Жанры речи. № 2. (14) С. 73-79.

Слышкин, Г. Г. (2000) Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс / отв. ред. В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. Волгоград : Перемена. 228 с. С. 38-45.

Степанов, Ю. С. (2007) Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славянских культур. 248 с.

Чесноков, И. И. (2013) Речевой акт «клятва»: истоки и первичные формы объективации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 9 (84). С. 4-7.

Шенцова, И. В. (2021) Концепт «клятва» в шорском языке // Российская тюркология. № 1-2 (30-31). С. 157-165.

Balabekova, K. Ş., Kurmanali, A. A., Otarbekova, J. K. (2024) Kazak halk masallarındaki “ant”, “yemin” ve “vaat” (söz) kavramlarının edimbilimsel görünümü // Ясауи университетінің хабаршысы. № 2 (132). Б. 40-52. (На турец. яз.).

Pröhle, W. (1909) Karatschaische Studien // Keleti Szemle. № 10. S. 215-304.

Дата поступления: 06.10.2025 г.

Дата принятия: 06.04.2026 г.

REFERENCES

Абаев, V. I. (1957) Problems of the Nart Epic. In: *The Nart Epic: Proceedings of the Conference of October 19-20, 1956*, ed. by V. I. Abaev et al. Ordzhonikidze, North Ossetian Book Publishing House. 232 p. Pp. 39-56 (In Russ.).

Abaikhanova, P. I. (2014) The oath in the customary law of Karachay. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik*, no. 2, pp. 13-17 (In Russ.).

Apresian, Yu. D. (1986) Performatives in grammar and dictionary. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, vol. 45, no. 3, pp. 208-223 (In Russ.).

Arutyunova, N. D. (2023) *The Sentence and Its Meaning: Logical and Semantic Problems*. Moscow, Lenand. 384 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1996) *Collected Works*. Moscow, Russkie slovari. Vol. 5: Works of 1940-1960. 731 p. Pp. 159-206 (In Russ.).

Gallyamova, N. Sh. (2010) The speech act of “promise, oath” in the Russian linguistic worldview: linguocultural and functional-pragmatic aspects. *Yazyk i kul'tura*, no. 3, pp. 16-32 (In Russ.).

Gelyaeva, A. I. (2002) *The Human Being in the Linguistic Worldview*. Nalchik, Kabardino-Balkarian University. 177 p. (In Russ.).

Gelyaeva, A. I. and Khuchinaeva, Dzh. Dzh. (2015) Ethnospecific manifestation of oaths and spells (based on the Karachay-Balkar language). *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, no. 1 (17), pp. 74-81 (In Russ.).

Dampilova, L. S. (2022) The genre of oaths in Mongolian-Manchu sources. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, vol. 81, no. 3, pp. 64-73 (In Russ.).

Dzhurtubaev, M. Ch. (1991) *Ancient Beliefs of the Balkars and Karachays: A Brief Essay*. Nalchik, Elbrus. 256 p. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2022) Absurd and paradoxical proverbs in the Tuvan language (ontological and logical aspects of proverb semantics categorization). *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373-1388 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Karabykov, A. V. (2006) The speech genre of oath in the history of culture. In: *Changing Russia: New Paradigms and New Solutions in Linguistics: Proceedings of the First International Scientific Conference (Kemerovo, August 29-31, 2006)*, ed. by E. A. Pimenov and M. V. Pimenova. Kemerovo, Yuniti. Part 3, issue 8. 340 p. Pp. 226-231 (In Russ.).

- Karasik, V. I. (2004) *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Moscow: Gnozis, 390 p. (In Russ.).
- Kormina, Zh. V. (2004) Military oath: on the history of a performative. *Neprikosnovennyi zapas: Debaty o politike i kul'ture*, no. 1 (33), pp. 100–105 (In Russ.).
- Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvans in Their Folklore: Historical and Ethnographic Aspects of Tuvan Folklore*. Kyzyl, Tuva Book Publishing House. 462 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2023) Cultural concepts: form, idea, social regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Lanskikh, Yu. V. (2022) Marriage oath as a special type of text (based on the German language). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, no. 2 (73), pp. 94–100 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2022.2.094>
- Lyapin, S. Kh. (1997) Conceptology: toward the formation of an approach. In: *Concepts. Scholarly Works of the Center for Concept Studies*, issue 1, ed. by O. P. Skidan. Arkhangelsk, Pomor State University Publishing House. 191 p. Pp. 11–35 (In Russ.).
- Melik-Gaikazyan, I. V. and Meshcheryakova, T. V. (2015) The Hippocratic oath: transformation of semantics and revival of pragmatics. *Scholae. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, vol. 9, no. 1, pp. 35–44 (In Russ.).
- Miller, B. V. (1902) From the field of customary law of the Karachays, chapters IV and V. *Etnograficheskoe obozrenie*, book LIV, no. 3, pp. 67–88 (In Russ.).
- Mudrak, O. A. (2012) Poetry in Mahmud al-Kashgari as evidence of Turkic-Mongolic language contacts. *Voprosy tyurkologii*, no. 2, pp. 7–46 (In Russ.).
- Austin, J. L. (1986) How to do things with words. In: *New in Foreign Linguistics. Speech Act Theory*, issue XVII, comp. and introd. by I. M. Kobozeva, V. Z. Demyankov; ed. by B. Yu. Gorodetskii. Moscow, Progress. 424 p. Pp. 22–131 (In Russ.).
- Popova, Z. D. and Sternin, I. A. (2001) The interpretative field of a national concept and methods of its study. In: *Communication Culture and Its Formation*, issue 8, ed. by I. A. Sternin. Voronezh, Poligraf. 224 p. Pp. 27–30 (In Russ.).
- Potanin, G. N. (2005) *Essays on Northwestern Mongolia*. 2nd ed. Gorno-Altai, AkChechek Publishing House. 1026 p. (In Russ.).
- Searle, J. R. (1986) What is a speech act? In: *New in Foreign Linguistics. Speech Act Theory*, issue XVII, comp. and introd. by I. M. Kobozeva, V. Z. Demyankov; ed. by B. Yu. Gorodetskii. Moscow, Progress. 424 p. Pp. 151–169 (In Russ.).
- Sidorenko, A. V. (2016) Children's oath in the Soviet era: speech genre characteristics. *Zhanry rechi*, no. 2 (14), pp. 73–79 (In Russ.).
- Slyshkin, G. G. (2000) Discourse and concept (on the linguocultural approach to discourse studies). In: *Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse*, ed. by V. I. Karasik, G. G. Slyshkin. Volgograd, Peremena. 228 p. Pp. 38–45 (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (2007) *Concepts. The Thin Film of Civilization*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 248 p. (In Russ.).
- Chesnokov, I. I. (2013) The speech act of "oath": origins and primary forms of objectification. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 9 (84), pp. 4–7 (In Russ.).
- Shentsova, I. V. (2021) The concept of "oath" in the Shor language. *Rossiiskaya tyurkologiya*, no. 1–2 (30–31), pp. 157–165 (In Russ.).
- Balabekova, K. Ş., Kurmanali, A. A. and Otarbekova, J. K. (2024) The pragmatic representation of the concepts "ant", "yemin" and "vaat" (word) in Kazakh folk tales. *Yasawi universitetinin habarshysy*, no. 2 (132), pp. 40–52 (In Turk.).
- Pröhle, W. (1909) Karachay studies. *Keleti Szemle*, no. 10, pp. 215–304. (In Germ.).

Submission date: 06.10.2025.

Acceptance date: 06.04.2026.